

Чернобыльский дневник

Петр КРАВЧЕНКО,
министр иностранных
дел Республики Беларусь
(1990–1994), кандидат
исторических наук

Мы находимся в Минске, где тысячи людей заполнили площадь Ленина на экологическом, «чернобыльском» митинге в связи с открытием I съезда народных депутатов СССР. На дворе май 1989 года, и я вот уже более 20 минут пробиваюсь к микрофону. Пробиваюсь сквозь стену ненависти, клеветы и оскорблений.

Женщина истошно закричала. Ужасно было видеть обезображенное ненавистью лицо. Причем не только она, но и другие, находящиеся в толпе, старались ударить локтем в спину, вцепиться ногтями в лицо... Вспомнился, искрой пронесся в голове один из рассказов Льва Толстого, в котором говорится, что самое страшное в бунтующей толпе – это женщины. В силу склада психики, большой

эмоциональной возбужденности они моментально «заводятся», поддаются массовому психозу, первыми готовы на необдуманные действия. Женщина в бушующей толпе – это одновременно жалкое и страшное зрелище...

Несколько минут назад применен «запрещенный прием». Увидев, что я направился в здание горисполкома, и решив, что секретарь горкома ретировался совсем, ведущий митинга, с которым я не первый год сталкиваюсь на подобных мероприятиях, наносит удар в спину – объявляет, что слово предоставляется мне, секунд 30 молчит, затем начинает издевательски насмехаться: «Где он? Струсил, сбежал, все они такие! Боятся в глаза нам посмотреть!»

Я в это время сижу на третьем этаже горисполкома, у мэра города, обсуждаем, что делать. Вдруг в кабинет пулей влетает заместитель заведомо пропаганды и агитации горкома Виктор Николаевич Иванов и дрожащим голосом сообщает: «Петр Кузьмич! Вас вызывают. Объявили ваше выступление, а сейчас издеваются. Думают, что вы ушли». Стремглав бросаюсь вниз и начинаю медленно, шаг за шагом пробиваться сквозь бурлящую толпу. Главное в такой ситуации – не запаниковать, не показать, что ты боишься. Психологически это окружающие тонко чувствуют. Иначе – моментально раздавят, растопчут. Лучшее оружие – спокойствие, уверенность в себе и шутка. «Ай-ай, женщина, посмотрите-ка на себя в зеркало. Что с вами происходит!»

И вот я снова на небольшом подиуме. Минут 30–40 «выдерживаю», не даю микрофона. Но делать нечего – выступление уже объявили. Начинаю говорить, несколько минут слушают, а затем по команде толпа начинает шуметь, кричать,

ОБ АВТОРЕ

КРАВЧЕНКО Петр Кузьмич.

Родился в 1950 году в г. Смолевичи Минской области. Окончил Белорусский государственный университет (1972), аспирантуру БГУ (1975).

С 1975 года – преподаватель, старший преподаватель Белорусского государственного университета. В 1985–1990 годах – секретарь Минского городского комитета КПБ. С 1990 по 1994 год – министр иностранных дел БССР и Республики Беларусь. В 1995–1996 годах – старший научный сотрудник отдела информации НАН Беларуси. В 1997 году – эксперт Национального центра стратегических инициатив «Восток – Запад». В 1998–2002 годах – Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Беларусь в Японии, с 1999 по 2002 год – и на Филиппинах (по совместительству). С 2003 по 2007 год – председатель правления ОАО «Зарубеж-Экспо» (г. Москва). С 2007 по 2010 год – президент ЗАО «Интермедиа-холдинг» (г. Москва).

Одновременно с 2008 по 2010 год – профессор кафедры международного права Белорусского института правоведения.

Депутат Верховного Совета БССР (1990), Верховного Совета Республики Беларусь (1996–1997), председатель Постоянной комиссии по международным делам). В 1996–1997 годах – председатель Комитета по международным делам Парламентского Собрания Сообщества Республики Беларусь и Российской Федерации. Имеет ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР, присвоенный Указом Президента СССР М.С. Горбачева в 1990 году.

Кандидат исторических наук (1976).

Автор 30 научных статей и 4 книг.

Награжден орденом Звезды Италии (2018).

Сфера научных интересов: история международных отношений, внешнеэкономических связей, история Беларуси, культурология, политология.

свистеть, улюлюкать, сгонять с трибуны. Заработали провокаторы, которые здесь есть всегда. Что делать? Моментально нахожу единственно правильное решение. Замолкаю, улыбаюсь и спокойно стою. Толпа беснуется минуту-две и утихает. Ведь с ней никто не соревнуется, не берет «на горло». И тогда с наслаждением бросаю в лицо этим обманутым людям обидные, жалящие фразы: «Я не народ. Безусловно, это так. Но и вы – не народ. Вы, как и я, только часть его, и у каждого из нас нет права на истину в последней инстанции». Новый взрыв эмоций. Применяю тот же прием: «Побеситесь, покричите, а я спокойно постою. Ведь микрофон у меня в руках». Стихия схлынула и продолжаю: «Вы говорите, дети пострадали. А что, у нас, у меня детей нет? Или что, мы из другого теста?» И я вспоминаю, рассказываю, как в то страшное утро 26 апреля вел свою пятилетнюю Наташку в детсад и попал под лениво крапавший в районе камвольного комбината радиоактивный дождь. Несколько минут слушают, затем опять визг, крики. Незримая дуэль продолжается минут сорок.

Говорят, что толпу, находящуюся в состоянии экстаза, переспорить, переубедить, победить нельзя. Безусловно, так. Но можно ценой невероятных усилий, смелости, самоотдачи заставить слушать. И вот люди стоят и молча слушают. Минут 10–15 говорю все, что думаю, что хочу, что наболело за месяцы справедливых и несправедливых упреков, когда ты вроде ни в чем не виноват, но платишь по счету за всех... За грехи отцов и дедов, за сталинские репрессии, за роскошь и барскую жизнь членов Политбюро, за фешенебельный дворец М.С. Горбачева в Форосе, который стоил государству более 70 млн рублей, за чванство и бюрократизм. За все.

Вновь пробиваюсь сквозь море людей. На пиджаке – ни одной пуговицы. Но отношение людей уже поменялось. Коегде даже говорят добрые слова, смотрят с уважением. А затем – четыре часа, до полуночи, люди не отпускают, просят похвалить, рассказать, посоветовать. Около часа ночи добираюсь домой. Валюсь от

усталости, но впереди – бессонная ночь, перед глазами, как в калейдоскопе, проносятся события дня...

И вот еще одна бессонная ночь. Мягкая осенняя ночь 1990 года в Нью-Йорке. Завтра, нет, уже сегодня – выступить с трибуны ООН. Записался в прениях по докладу МАГАТЭ. Вновь, как и год назад, перед глазами тот «чернобыльский» митинг в Минске, «чернобыльский шлях», митинги в Куропатах, на стадионе «Динамо», в микрорайоне Юго-Запад. Как в чудесном цветном сне, все проходит, нет, проносится в голове. В душе – никакой обиды. Я бы не смог работать министром, если бы не прошел школу митинговой стихии, не понял боль нации, не осознал остроту проблемы. Благодарен судьбе, что она мне преподнесла, преподавала такой жизненный урок.

В отличие от карьерных дипломатов я знал жизнь, все ее изъяны и, если можно так сказать, изнанку не понаслышке. Работая заведующим отделом науки и учебных заведений, а затем секретарем горкома КПБ, посетил практически все крупнейшие предприятия, научные, научно-исследовательские и вузовские коллективы Минска и республики. Десятки, сотни встреч с рабочими на самых сложных и вредных производствах, обеда в заводских столовых, нечеловеческие условия труда в литейках – все это знал, видел, пропускал через сердце. До конца жизни буду помнить литейный цех № 2 тракторного завода и тот непростой разговор с рабочими, каждый второй из которых был болен вследствие вредных условий труда, плохой освещенности, недоброкачественной пищи.

Имея за плечами такой опыт, я чувствовал достаточно сил, чтобы предельно предметно и остро формулировать перед белорусскими дипломатами наиболее насущные, жизненно важные задачи, волнующие людей труда, весь наш народ. Я не боялся и не боюсь выглядеть «белой вороной» на фоне лощеного дипкорпуса, не стеснялся и не стесняюсь ломать сложившиеся стереотипы, обострять ситуацию, если это диктуется интересами дела, интересами Родины.

◀ Выступление министра иностранных дел Республики Беларусь П.К. Кравченко на 46-й сессии Генеральной ассамблеи ООН. Октябрь 1991 года

Помню тот необыкновенный подъем, страстное желание работать, что-то преодолеть, превозмочь, как можно быстрее добиться успеха. Хотелось сделать что-то полезное и конкретное для родной Беларуси, своего народа. Между тем обстановка вокруг еще рутинная, сонная. На мои попытки как-то оживить белорусскую дипломатию маститые дипломаты союзного МИД посматривают с нескрываемым удивлением и явным осуждением. Мол, а это еще зачем? Что, ему больше других надо? Чернобыльская трагедия? Зачем бередить и вспоминать эту неприятную историю? Ведь год назад сказали вскользь и забыли. К тому же есть установка М.С. Горбачева: не бередить старые раны, не просить помощи у Запада. Ведь будут же злословить: смотрите, великая страна, а стоит с протянутой рукой. Негоже. Надо, как говорят японцы, сохранять лицо. А то, что дети уже начинают умирать и за первых пять лет получено республикой только 5 млн долларов при ежегодной потребности в 75 млн долларов, необходимых для закупки лекарств и оборудования, это дело внутреннее, дипломатов оно не касается. В то же время Минатом-

энерго СССР – главный виновник трагедии – в 1990 году получил от своих экспортных поставок 650 млн долларов. Один из высокопоставленных советских дипломатов так прямо в глаза и резанул: «У нас есть указание – не лезть, не позориться».

Пытаюсь кардинально поменять доклад на пленарном заседании, найти новые подходы, как-то «высветить» Беларусь, ее боль и тревоги, однако вновь наталкиваюсь на глухую стену раздражения и непонимания.

Три делегации живут под одной крышей. Перед выступлением до последней минуты работаю по ночам над текстом, мне тут же докладывают, что каждую напечатанную в машбюро страницу «добровольные друзья» уже понесли наверх, на пятый этаж, уже читают... Стараюсь не обращать внимания, и там, где пытаются подкорректировать, «посоветовать», даю по рукам.

И вот наступает «судный час» – день доклада. От перенапряжения даже не волнуюсь. Да и что значит выступление с трибуны ООН по сравнению с той митинговой стихией, которая является лучшей школой испытания для любого

политика. Начинаю медленно, спокойно, чеканя каждое слово, говорить, а перед глазами Беларусь, ее страшная, кровавая история...

«Немного найдется народов, к которым история была бы столь немилостива, как к белорусскому, отнюдь не единожды за последние века испытывая его способность к выживанию. На протяжении столетий наши земли, являющиеся своеобразным перекрестком Европы, не миновал, кажется, ни один вал нашествий, походов и агрессий. Войны, мор, эпидемии с потрясающей последовательностью и упорством не реже чем раз в столетие сокращали белорусский этнос каждый раз от четверти до половины. С середины XVII до конца XX века он сократился в два раза. В конце XVII века на нашей земле осталось менее 1 млн человек: этнос стоял на грани физического исчезновения. В начале XIX века погиб каждый четвертый житель. В годы Первой мировой войны – каждый пятый. Мир знает, что принес моей Родине огненный смерч Второй мировой войны – погиб каждый четвертый житель республики. В сожженной вместе с мирными жителями белорусской деревне Хатынь, в мемориальном центре, одиноко и скорбно стоят рядом три березки, на месте четвертой – Вечный огонь Памяти. Хочу подчеркнуть, что лишь спустя 30 лет в республике восстановлена довоенная численность населения. И вот новое тяжкое испытание – Чернобыль, Голгофа XX века для белорусского народа. Стоя на этой трибуне, я, кажется, вижу, как с онемевших уст моего народа срывается и звучит один и тот же вопрос: «за что? за что?».

В славянских языках, в том числе в украинском и белорусском, есть слово чернобыль, то есть полынь, горькая трава, которое удивительным образом ассоциируется с чернобыльской трагедией. Мне чужды фатализм, ощущение слепой неизбежности рока, но не могут не тронуть, не запасть в душу такие скорбные и трагичные строки из Апокалипсиса. Позвольте процитировать: «...и упала с неба звезда, горящая подобно светильнику, и

пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезды «полынь», и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки» (Откровение Иоанна Богослова, гл. 8).

Называю цифры, привожу статистику, которая не может не задеть, не зацепить за живое: «70 процентов чернобыльских радиоизотопов пришлось на нашу республику. Ими «захвачена» третья часть ее территории. Пятая часть всего населения, а это 2 млн 200 тыс. человек, из них почти 800 тыс. детей, стали безвинными жертвами Чернобыля, заложниками отсроченных вредных эффектов радиации. От 120 до 150 тыс. жителей из зон особо высокого риска ждут своего переселения в строящиеся населенные пункты в чистых зонах. До сих пор не уточнены границы и критерии безопасного проживания на зараженной части ее территории. Около 30 тыс. человек было эвакуировано еще в первые месяцы после чернобыльского катаклизма. Здесь ныне «радиационная пустыня», безлюдные заповедники площадью в сотни тысяч гектаров, огороженные колючей проволокой, где нельзя будет жить, по самым сдержанным оценкам, сотни лет».

И, наконец, завершающие, самые эмоциональные аккорды выступления: «Глубоко убежден, что мировому сообществу не дано шагнуть с чистой совестью в XXI век, не решив планетарных проблем, и особенно предотвращения войн, ликвидации голода, болезней, слаборазвитости, проблемы спасения людей, пострадавших от Чернобыля: русских, украинцев, белорусов, других национальностей, проблемы спасения генетического фонда нации.

Пусть станут пророческими, нашей судьбой, нашим будущим не цитируемые выше слова Великого Литературного Памятника всех времен и народов – Библии, а проникнутые верой в нестигаемость и стойкость, потрясающую жизненную силу белорусского народа слова нашего поэта Владимира Дубовки, написанные еще в 1926 году:

*О Беларусь, мая шыпшына,
Зялёны ліст, чырвоны цвет!
У ветры дзікім не загінеш,
Чарнобылем не зарасцеш!*

Наш народ верит и верует, что люди доброй воли, жители одного общего дома – планеты Земля, не оставят его один на один со страшной бедой».

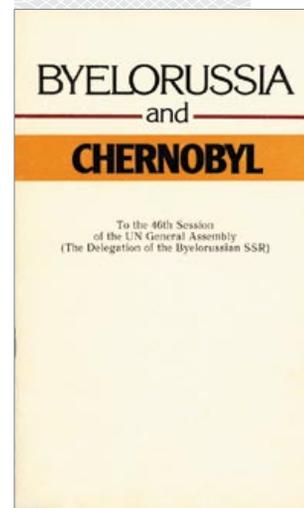
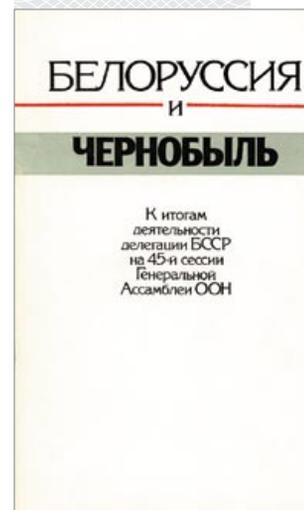
Дни за днями проносятся своей стремительной чередой. Каждый понедельник, в специально защищенном от прослушивания кабинете, проходит совещание представителей трех делегаций. Поставил вопрос и добился того, что представители СССР, БССР и УССР на них стали председательствовать по очереди. Целая революция, если судить по лицам «карьерных дипломатов». Временами на них вместо былой холодности и равнодушия появляется и подобострастие. Справедливости ради надо отметить, что мои радикальные подходы как-то сразу поддержал постпред СССР при ООН Юлий Михайлович Воронцов, блестящий советский дипломат, прошедший такие горячие точки, как Кабул, Дели, Триполи, Париж, Вашингтон и многие другие. Удивительно обаятельный и образованный человек, о котором всегда буду вспоминать с благодарностью и теплотой. Полагаю, что судьба не всегда была благосклонна к Юлию Михайловичу, и после А.А. Громько он мог бы быть самым сильным министром иностранных дел СССР.

В начале октября на одном из совещаний заявляем вместе с А.М. Зленко (министр иностранных дел Украины. – П.К.) о том, что создаем рабочую группу по подготовке Чернобыльской резолюции и предлагаем союзной делегации СССР делегировать в ее состав своих представителей. Сегодня это звучит невероятно. Но факт остается фактом. В ходе подготовки Чернобыльской резолюции приходилось сражаться на два фронта: преодолевать непонимание Запада и нежелание союзной делегации придавать соответствующее международное звучание чернобыльской трагедии.

Хотелось бы более подробно остановиться на этих моментах. Для меня была большой загадкой прохладная реакция ряда западных стран на нашу национальную трагедию. Вначале думалось, что все дело в неполноте, необъективности информации. Увы, оказалось, что это не так. Уже осенью 1990 года на территории республики с целью изучения различных аспектов трагедии побывали миссии Европейской экономической комиссии (ЕЭК) и Международного агентства по ядерной энергетике (МАГАТЭ). Господин Ханс Бликс, возглавляющий МАГАТЭ, даже выступал в белорусском парламенте, выступал под аплодисменты... И если ЕЭК во главе с господином Геральдом Хинтереггером, изучавшая социально-психологические последствия Чернобыля, заняла с самого начала непредвзятую, объективную позицию, то гораздо сложнее дело обстояло с МАГАТЭ – мировым ядерным лобби, которое пошло на все, чтобы затушевать, не придавать должного общественного звучания произошедшему 26 апреля 1986 года. В наиболее классическом, концентрированном виде это нашло отражение в выводах так называемой «венской экспертизы», о которой речь пойдет ниже.

На эти выводы и оценки ориентировались ведущие страны Запада, полагавшие, что Чернобыль для правительства Беларуси – это лишь та политическая завеса, под прикрытием которой пытаются решить застаревшие социально-экономические болячки: несовершенное медицинское обслуживание людей на селе, отсутствие диагностической техники, необходимых лекарств, современных лечебно-профилактических медицинских клиник и центров, дорог с асфальтовым покрытием, улучшить скудный, несбалансированный по компонентам и невитаминизированный рацион питания детей и сельских жителей. Мол, свои беды и проблемы, накопившиеся за десятилетия, пытаются решить за наш счет.

Невзирая на табель о рангах, становлюсь председателем рабочей группы СССР, БССР, УССР по разработке Черно-

быльской резолюции и на протяжении более двух месяцев почти ежедневно занимаюсь этой проблемой. 21 декабря 1990 года от имени более 122 стран мира – соавторов резолюции – официально представляю ее на сессии Генеральной Ассамблеи ООН и бесконечно счастлив, когда председательствующий с ударом молота торжественно объявил: резолюция А/С.2/45/190 «Международное сотрудничество в деле смягчения и преодоления последствий аварии на Чернобыльской АЭС» принимается консенсусом. Очень важно, что в преамбуле и в пункте 2 резолюции Беларусь впервые стоит на первом месте как наиболее пострадавшая от аварии на Чернобыльской АЭС. Принятая резолюция предусматривала назначение специального координатора деятельности системы ООН по чернобыльской проблематике на уровне заместителя Генерального секретаря ООН, разработку программы координации деятельности международных организаций. Все это означало прочное закрепление чернобыльского направления в социально-экономической деятельности ООН. По существу она становилась постоянно анализируемой и планетарно значимой темой для обсуждения и дискуссий в мировом парламенте, позволяла из года в год (по аналогии с другими мировыми проблемами) держать ее на плаву.

С благодарностью надо отметить, что для принятия Чернобыльской резолюции важное значение имели согласованная и четкая работа экспертов трех советских делегаций в составе рабочей группы, а также поддержка 12 стран Европейского экономического сообщества, особенно Италии, Нидерландов, ФРГ.

Значительную роль в ее принятии сыграл Генеральный секретарь ООН Хавьер Перес де Куэльяр, которому я направил от имени правительства республики приглашение посетить Беларусь и познакомиться с пострадавшими районами.

Возвращаюсь в Минск, и немедленно, без раскочки приступаем к работе над реализацией резолюции. В январе 1991 года в считанные дни готовим и

направляем письмо Председателя Совета Министров БССР В.Ф. Кебича главам правительств 132 государств – членом ООН.

Еще в Нью-Йорке созревает решение искать какие-то иные, нетрадиционные подходы, которые могли бы вызвать прилив интереса мирового сообщества к нашей национальной беде. Как всегда, выручает моя тяга и любовь к непреходящему, вечному, святому – к культуре. Ведь эмоциональное, духовное начало – самое сильное по степени воздействия – наиболее прямой путь как к разуму, так и к сердцу человека. Надо вызвать у «пресыщенного» Запада своеобразный эмоциональный шок, «ударить» по нервам, заставить устыдиться собственного равнодушия. Не менее важно прорвать завесу неизвестности, окружающей Беларусь. Ведь для мира мы terra incognita – неизвестная земля. О Чернобыле слышали, но только применительно к Украине и России. Нас или не знают вообще, или путают как народ с белогвардейцами («Белая Россия» – так примерно звучит название нашей республики на английском языке).

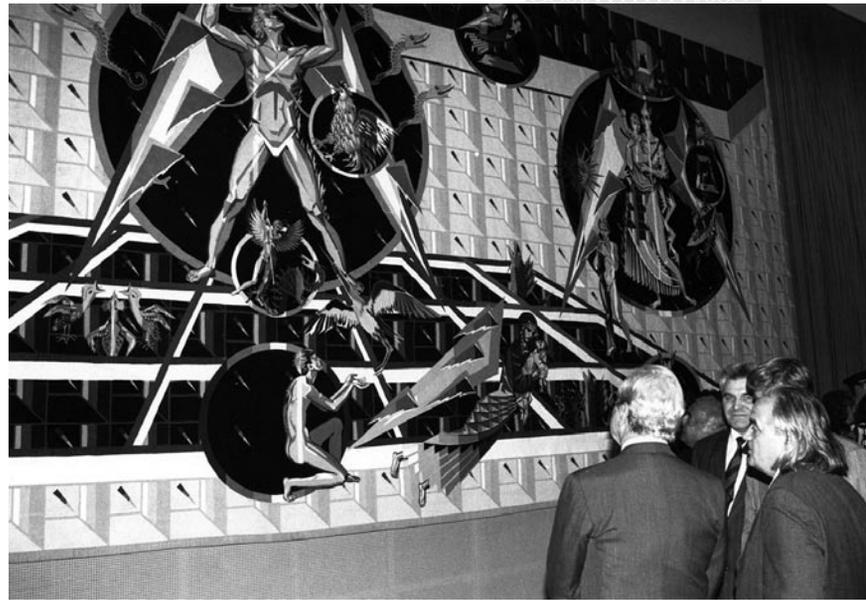
Прихожу к выводу, что надо от имени народа и правительства республики преподнести в качестве официального дара произведение искусства. Но что? Фарфоровую вазу, как Украина? Картину маслом? Гобелен, как Бельгия, Норвегия, Китай и еще почти 20 стран мира? Конечно, всех поражают размеры и изумрудно-серая гамма китайского гобелена с изображением знаменитой Великой Китайской стены. А что может противопоставить этому маленькая Беларусь? Ответ однозначен: только гобелен. Ведь за последние десятилетия у нас сложилась национальная школа в этом жанре искусства, одна из самых самобытных и ярких в Европе. Не следует забывать, что наши искусные ткачихи восхищали своими гобеленами Европу еще 200 лет назад.

20 декабря 1990 года еду в мастерскую Александра Михайловича Кищенко. Времени для раздумий, творческих дискуссий, создания жюри и проведения

конкурса нет. Если пойти по этому пути – утонешь, застрянешь на годы. Так уже было с проектом памятника Ф. Скорине в Минске, рядом с Академией наук. А у меня в запасе 9 месяцев, не более. Ведь в сентябре 1991 года в Нью-Йорке планируется в соответствии с резолюцией ООН Конференция стран-доноров, которая может принести немалые деньги моей республике. Надо успеть, обязательно успеть и показать миру наше произведение именно в день открытия конференции. В скромном бюджете МИД нахожу 250 тыс. рублей (в ценах 1991 года) и на свой страх и риск финансирую проект: гобелен «Чернобыль». Сегодня звучит невероятно, но остается фактом: это уникальное произведение искусства обошлось нашему государству в четверть миллиона рублей. Причем только художник имел право взять в качестве авторского гонорара не менее 160 тыс. рублей (40 м² x 4 тыс. рублей). Разговариваю с Александром Михайловичем и сразу же нахожу взаимопонимание: «Если надо, – говорит он, – откажусь от ³/₄ гонорара, чтобы не было ненужных разговоров и злословий». Десятки раз с декабря 1990 по август 1991 года приходилось бывать в мастерской художника, на фабрике в Борисове, где золотые руки наших ткачих творили чудо.

Низко кланяюсь вам, дорогие и уважаемые наши ткачихи – Людмила Петровна Слабковская, Наталья Алексеевна Шварц, Татьяна Эриковна Потапович, Ирина Васильевна Полиневич, кто семь месяцев без выходных, по 10–12 часов в сутки отдавал всего себя этому делу и прославил Беларусь. Справедливости ради подчеркну, что их имена и фамилии звучали в прессе не один раз, были официально названы в одном из моих докладов в стенах ООН, то есть вошли в стенограмму заседания, запечатлены в истории всемирного парламента.

Как рождалась форма, структура гобелена? Признаюсь: не вмешиваясь в творческий процесс и не навязывая своей воли (тем более что Александру Михайловичу навязать ее невозможно), я все же предложил использовать традиции

▲ У гобелена «Чернобыль», подаренного от имени народа и правительства Беларуси Организации Объединенных Наций в сентябре 1991 года

древнерусской школы, складня, триптиха. Мастер принял предложение, и родилось то, что образно и коротко можно назвать: «Истоки» (Ф. Скорина), «Трагедия» (взорвавшийся атом), «Будущее» (Минская Богоматерь). К сожалению, наш народ не смог познакомиться с этим шедевром. В середине августа 1991 года он считанные дни выставлялся во Дворце искусств по улице Козлова и никогда не показывался по телевидению.

Гобеленом занимался мимоходом, что называется, во внеурочное время, как правило, поздно вечером, когда спадали напряжение и бешеный ритм рабочего дня. Лишь мельком, фрагментарно упомяну о визите правительственной делегации в Японию в феврале 1991 года. В ходе его очень много рассказывали общественности этой страны о чернобыльской трагедии, установили контакты с фондом «Сасакава», с которым договорились о поставках в нашу республику уникальных передвижных диагностических лабораторий (одну из них осмотрели в Токио и пришли в полное восхищение). Запомнилась колоритная личность миллионера Сасакавы-сан, самурая в прошлом, который, как бы замаливая грехи молодости, на склоне лет занялся благотворительностью.

(Окончание следует) ▮